

Научная статья

УДК 821.161.1, 82-31, 82-32

DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

## **Гистория о девице Ляцыоне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков**

**Любовь Александровна Курышева**

Институт филологии  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Новосибирск, Россия

kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

### *Аннотация*

Рукописная повесть середины XVIII в. «Гистория о девице Ляцыоне» известна в единственном списке. Она рассказывает о побеге девушки с возлюбленным из родительского дома. Для решения вопроса, стала ли отечественная беллетристика XVII–XVIII вв. источником вдохновения для неизвестного автора повести, мы применили следующую методику. Выявляя определенный мотив, мы учитываем его роль в сюжете Гистории и сопоставляем с функцией этого же мотива в популярных произведениях русской беллетристики XVII–XVIII вв. В типологии мотивов основой нашей работы стал указатель мотивов С. Томпсона с учетом дополнений Д. П. Ротунды; в классификации сюжетов – модернизированная Г.-Й. Утером система описания сказочных сюжетов А. Аарне и С. Томпсона.

Как показал анализ, Гистория не имеет прямых связей с популярными в России XVII–XVIII вв. произведениями о похищении девической чести или об увозе жены – повестями на сюжет о разборчивой невесте и АТУ 1419Е. Для поиска возможных источников Гистории были привлечены повести XVII–XVIII вв. на смежные сюжеты или с близкими мотивными компонентами. На основе трудов Томпсона и Ротунды были выделены следующие мотивы: неблагоприятное предсказание, отцовская любовь к дочери, красивая и умная девица, охрана от мужчин, похвальба дочерью, тайный возлюбленный, свидания в саду, искусный музыкант, бегство из дома. В деталях и мотивных компонентах Гистории обнаруживаются параллели с Повестью о Петре Златых Ключей, с романом об Алфонзе Рамире и Ангелике, с Повестью о российском кавалере Александре, возможно – с Гисторией о Ярополе царевиче и старобелорусской Повестью о Трыщане.

Повесть входит в так называемую «пятую рукопись» сборной рукописи из Основного собрания НИОР БАН (19.2.38). На основании анализа бумаги, можно сделать вывод о том, что формирование рукописи, в которой располагается Гистория, относится к 1750–1760-м гг. Литературное окружение этого оригинального произведения состоит из популярных любовных повестей, большая часть которых встречается в других сборниках беллетристического характера.

Литературный памятник публикуется впервые.

© Курышева Л. А., 2024

eISSN 2713-3133  
Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 27–51  
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3, pp. 27–51

*Сюжет в литературе и фольклоре*

*Ключевые слова*

русская литература XVIII в., рукописная беллетристика, мотивные индексы С. Томпсона

*Для цитирования*

Курьшева Л. А. История о девице Ляцыоне: сюжетно-мотивный состав повести в контексте русской беллетристики XVII–XVIII веков // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3. С. 27–51. DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

***The Story of the Maiden Laciona:  
Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale  
in the Context of Russian Fiction of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> Centuries***

**Lyubov A. Kurysheva**

Institute of Philology  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Novosibirsk, Russian Federation  
kurysh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6796-2413>

*Abstract*

A handwritten tale of the middle of the 18<sup>th</sup> century *The Story of the Maiden Laciona* is known in a single copy. The tale tells about the escape of a girl with a lover from her parents' house. To solve the question of whether the Russian fiction of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries became a source of inspiration for the unknown author of the story, we applied the following methodology. Identifying a certain motive, we take into account its role in the plot of the Story and compare it with the function of the same motive in popular works of Russian fiction of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries. In the typology of motives, the basis of our work was the Motif-Index by St. Thompson, taking into account the additions of D. P. Rotunda; in the classification of plots – the system for describing fairy-tale plots by A. Aarne and S. Thompson, modernized by H. J. Uther.

As the analysis showed, the Story has no direct links with the works popular in Russia in the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries about the abduction of a maiden's honor or about the abduction of a wife – stories on the plot of a picky bride and ATU 1419E. To search for possible sources of tale, the stories of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries were drawn on related subjects or with similar motivic components. Based on the works of Thompson and Rotunda, the following motives were identified: an unfavorable prediction, paternal love in a daughter, a beautiful and intelligent girl, protection from men, boasting of a daughter, a secret lover, dates in the garden, a skilled musician, flight from home. In the details and motional components of the Story, parallels are found with the Story of Peter the Golden Keys, with the novel about Alfonso Ramir and Angelica, with the Story of the Russian cavalier Alexander, perhaps with the Story of Yaropol Tsarevich and the Old Belarusian Story of Tristan.

The Story is included in the so-called "fifth manuscript" of the combined manuscript from the Main Collection of the NIOR BAN (19.2.38). Based on the analysis of the paper, it can be concluded that the formation of the manuscript in which the Story is located dates back to the 1750s – 1760s. The literary setting of this original tale consists of popular love stories, most of which are found in other collections of fiction.

The literary monument is being published for the first time.

*Keywords*

Russian literature of the 18<sup>th</sup> century, handwritten fiction, Motif-Index by St. Thompson

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2024. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2024, no. 3

For citation

Kuryshova L. A. *The Story of the Maiden Laciona: Plot and Motif Composition of the Handwritten Tale in the Context of Russian Fiction of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> Centuries. Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2024, no. 3, pp. 27–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-3-27-51

Дошедшая до нашего времени в единственном списке «Гистория о девице Ляцоне, баронской дочери аглянских баронов Римскаго и Цесарских областей правления, и о ея премудрости» (НИОР БАН, 19.2.38), как и сам сборник, когда-то принадлежавший И. Е. Забелину, давно известны специалистам по рукописной беллетристике XVIII в. [Пыпин, 1888, с. 37; ОРО БАН, 1951, с. 343–346; Małek, 2017, с. 71–72]<sup>1</sup>. Однако до сих пор она не была введена в научный оборот и изучена.

При встрече с русской рукописной беллетристикой XVIII в., в основном анонимной, исследователь прежде всего сталкивается с вопросом о происхождении и степени оригинальности произведения. Ранее мы показали связь Гистории о девице Ляцоне (далее – Гистория) с историко-культурной ситуацией времен правления Елизаветы Петровны и выдвинули гипотезу о создании повести по случаю событий в домашней жизни графа М. И. Воронцова<sup>2</sup>. В настоящей статье мы исследуем сюжетную основу повести и попытаемся ответить на вопрос, стала ли отечественная беллетристика XVII–XVIII вв. источником вдохновения для неизвестного автора повести. Для решения этой задачи мы применим следующую методику. Выявляя определенный мотив, мы будем учитывать его роль в сюжете Гистории и сопоставлять ее с функцией этого же мотива в популярных произведениях русской беллетристики XVII–XVIII вв. В типологии мотивов мы будем опираться на указатель мотивов С. Томпсона с учетом дополнений Д. П. Ротунды<sup>3</sup>; в классификации сюжетов – на модернизированную Г.-Й. Утером систему

<sup>1</sup> Повесть учтена в картотеке, составленной Н. К. Никольским, над которой он работал до самой смерти в 1936 г. (НИОР БАН. Картотека Н. К. Никольского). Упоминания о повести нет в предметном указателе, подготовленном М. Н. Сперанским для своей книги «Рукописные сборники XVIII века» (начало 1930-х гг.). Это связано с тем, что ученый считал сборник утраченным [Сперанский, 1963, с. 177].

<sup>2</sup> Курьшова Л. А. История о девице Ляцоне как русская беллетристическая повесть времен правления Елизаветы Петровны (подготовлена к печати). В виде докладов гипотеза была представлена на XIV Римских Кирилло-Методиевских чтениях и заседании Отдела изучения русской литературы XVIII в. ИРЛИ РАН в июне 2024 г.

<sup>3</sup> Первое и второе, дополненное и переработанное, издания 6-томного труда С. Томпсона (St. Thompson) «Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folk-Tales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fables, Jest-Books, and Local Legends» вышли соответственно в 1932–1936 и 1955–1958 гг. Положив в основу классификацию мотивов Томпсона, Д. П. Ротунда (D. P. Rotunda) в работе «Motif-Index of the Italian Novella in Prose» (1942) описал итальянскую новеллу. Для неописанных Томпсоном мотивов им были введены новые индексы, встроенные в систему предшественника. Для поиска мотивов мы воспользовались интернет-ресурсом, созданным израильским Центром народных сказок и фольклора (Center of Folktales and Folklore) под руководством доктора Йоэля Переза (Yoel Perez). Там в репрезентации мотивов Томпсона учтены дополнения, сделанные Ротундой: *Thompson St. Motif-Index of Folk-Literatur*. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (дата обращения 07.09.2024).

описания сказочных сюжетов А. Аарне и С. Томпсона, с учетом данных сравнительного указателя сюжетов восточнославянской сказки и немецкого издания энциклопедии сказок<sup>4</sup>.

Кратко представим сюжет. Гистория повествует о том, как в итальянский город Аглиянец проездом в Рим прибывает делегация из Цесарии. В посольскую свиту входит молодой человек по имени Лудвик, сын влиятельного князя. Городом управляет барон Август, у него есть дочь Ляцыона. Барон бережет ее от мужчин, выстроив для нее отдельный дом с женским штатом, и позволяет ей только выезды в своем присутствии на ассамблею и комедию. Желая похвастаться дочерью, явить гостям ее красоту и премудрость, барон повелевает дочери прийти на организованный в честь послов прием. Здесь молодые люди встречаются и влюбляются друг в друга. На этом же званом ужине они обмениваются речами, танцуют и объясняются в любви. Ляцыона демонстрирует гостям свое искусство, вызвав видение Венеры, которая соединяет влюбленных. Ночью, после встречи в саду, Ляцыона бежит с Лудвиком, прихватив с собою драгоценности и деньги. Повесть заканчивается коротким сообщением о том, что они благополучно приезжают в Цесарию и сочетаются браком. Как водится в подобных сочинениях, последние слова относятся к дальнейшей счастливой жизни героев: Лудвик «жил с нею много лет, и умроша в великой чести и славе».

Действие повести развивается как контаминация мотивов из популярных сюжетов. Завязка Гистории заставляет читателя предположить развитие действия в духе похищения красавицы или похищения девической чести. Повесть открывается рассказом о том, как барон оберегает свою дочь от мужчин:

Отец же ея Август не име жены у себе, вдов, токмо одну оную име при себе доч свою... весьма ея сожалел и возлюбил ея весьма своею отеческою любовию. Не восхоте же та дщерь его с таковою прекрасностию иметь власть в гулянии, *дабы никто не похитил девическую красоту ея* (здесь и далее курсив мой. – Л. К.). Того ради всегда имел ю при себе во единой комнате. Аще же куды случится ему из дому своего ехать, то приставлял тетку ея монахиню, Девору именем, со многими дамскими персонами: да всегда хранят благородие ея и *да не допустят до нея никого же от мужеска полу*, но всегда да пребывают у нея дамския персоны и во всем оне ея да наблюдают. Аще же когда поедет х кому на ассамблею или на комедию, тогда обыкновен был всегда и ея с собою брать по обыкновению тамошних народов.

Егда же возмужа Ляцыона и бысть лет якобы семнатцети, и войде наукою своею в подобие славной Иреи премудрой, красотою же и добротою и политикою доста же и самья Минервы, тогда отец ея устрой ей особый дом со многими комнатами и убранством и определи к ней множество дам честных и девиц и множество музыкантов и лакеев, тако ж корет, коней и протчих уборов. И повеле дочери своей *тамо бытность свою в чистоте и целомудрии девическом провождати*. И тако Ляцыона

---

<sup>4</sup> Классификация сказочных типов по системе Аарне – Томпсона – Утера (далее – АТУ) в соотношении со старой системой Аарне – Томпсона, а также с указанием входящих в различные типы сказок мотивов, разработанных Томпсоном, представлена на сайте библиотеки Университета Миссури (эта работа не завершена): URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (дата обращения 07.09.2024). Издания, посвященные восточнославянской сказке и мировому фольклору, нередко дают дополнительную ценную информацию: [СУС, 1979; Enzyklopädie des Märchens, 1977–2015].

отъиде во уготованные ей апартаменты с великим веселием и триумфом. И бысть тамо дни многия в раскошах, а иногда в науках (л. 267 об. – 268).

Отношения отца и дочери, строительство дома для дочери отсылают к группе сюжетов, в котором задействован мотив заключения девушки (женщины) в особом доме или башне. Во-первых, это сюжеты о неблагоприятном предсказании. Самый известный пример из такого рода сюжетов – миф о Данае, которому находится большое количество параллелей в фольклоре и литературе [Binder, 1977]. Это предсказание о рождении героя, который однажды убьет своего деда, в связи с чем царь запирает свою дочь в башне. Распространенными вариантами сюжета выступают предсказание о беременности дочери прежде замужества или предсказание о том, что жена «наставит рога» мужу. При помощи хитрости мужчина проникает в женские покои и добивается своего. Особая группа новелл и сказок рассказывает о том, как мужчина запирает себя в образе животного, чтобы проникнуть к девушке, которую ревностно охраняет отец<sup>5</sup>. Нередко к мотиву неблагоприятного предсказания может присоединяться (или его заменять) мотив заклада-пари.

Во-вторых, это класс сюжетов о старом муже и молодой жене, которая заперта им из ревности. Жене удастся обмануть мужа и встретиться с любовником: он проникает в покои женщины в сундуке или при помощи тайного хода<sup>6</sup>. Большой популярностью пользовался сюжет об украденной жене, в котором влюбленные встречаются благодаря тайному ходу и дурачат мужа игрой в двойника настолько, что старик выдает замуж свою жену и лично провожает молодых, чтобы затем обнаружить себя обманутым [Kuehne, 1993]<sup>7</sup>.

Таким образом, начальная сюжетная ситуация нашей повести может быть соотнесена со следующими индексами мотивов, разработанными Томпсоном и дополненными Ротундой: R41.2 «Заточение в башне», M372 «Заточение в башню, чтобы избежать исполнения предсказания», T381 «Девушка заточена, чтобы предотвратить знание мужчин (брак, оплодотворение). Обычно содержится в башне (Даная)», T381.0.2 «Жена заключена в башне (доме) для сохранения целомудрия», T50.1 «Девушка тщательно охраняется от женихов», T50.1.2 «Девушка тщательно охраняется отцом», T50.2 «Король так любит свою дочь, что не желает выдавать ее замуж ни за кого».

---

<sup>5</sup> Литературным и устным итальянским, французским версиям этого сюжета посвящен комментарий Дж. Руа к первой новелле из книги «Мамбриано»: [Ruа, 1888, р. 28–42]. Ср.: СУС 575 «Деревянный орел (голубь)». А. Н. Веселовский посвятил статью сюжетам о заключенной красавице, взяв в качестве материала новеллу «Мамбриано», французские романы, сказки «Тысячи и одной ночи» и былинку о Подсолнечном царстве: [Веселовский, 1878].

<sup>6</sup> См. комментарий Дж. Руа к четвертой новелле из книги «Мамбриано»: [Ruа, 1888, р. 67–83].

<sup>7</sup> Ср.: АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника», СУС 860В\* «Украденная жена», СУС 1419Е «Подземный ход к дому любовника».

Обзору истории сюжета в мировой литературе и русским вариантам XVII–XVIII вв. посвящена работа: [Лихтман, 1976]. В этой же работе исследовательница указывает на запись сказки с идентичным сюжетом, в которой вместо мужа и молодой жены выступают отец и его дочь [Там же, с. 261].

Обратимся к русским повестям XVII–XVIII вв. с мотивными компонентами: предсказание будущего (М340 «Неблагоприятные предсказания»), заточение женщины в башне или особом доме (М372, Т381.0.2, R41.2), охрана от мужчин (Т50.1, Т50.1.2, Т50.2, Т381, Т381.0.2).

Начнем с неблагоприятного предсказания. Хотя этот мотив отсутствует в Гистории, он нередко входит как компонент в другой мотив, ассоциируемый с сюжетом Гистории, – в М372. Среди русской беллетристики, как кажется, имеется только одно произведение, в котором царская дочь помещена в башню, чтобы избежать исполнения предсказания. В «Слове о судьбах божиих...» астрологи-мудрецы предрекают царю, что его дочь будет обесчещена публичным наказанием – «биена... бичом по нагому телу» (Слово о судьбах божиих..., 1982, с. 239–240). При этом мотив охранения дочери от мужчин, как и любовная тема, совершенно отсутствует:

И растя же девица, и цветуще лепотою своею вельми прекрасно, и разумом и премудростию всех превзыде, и научися грамоте и всякой премудрости. И бысть девица в возрасте, *отец же ея устрои столп мраморен и позлати златом*, и украси в нем всяческим узорочием столы и седалища и подножия, все златом и камением украси. И введе ту девицу, и пристави к ней служити благозранные девы, она же живяще, веселящеся (Слово о судьбах божиих..., 1982, с. 240).

Перейдем к другим мотивным компонентам. Охрана от мужчин встречается в Повести о Александре и Лодвике из сборника Повесть о семи мудрецах в редакции Тимофея Каменевича-Рвовского. При этом мотив заточения отсутствует, хотя и говорится о том, что дочь императора Фларента живет особым домом:

Цесарь же Тирус имяше у себе дщерь единородну, именем Фларенту, возлюбленную себе зело, и желаше цесарь Тирус *соблюсти всячески девичество ея и не вдати ю браку ни за кого же*, но дабы она по смерти отца возмогла держати кралевство его. Того ради отец ея вельми любляше и соблюдаше ю, понеже она лицом бе лепа и разумом чюдна зело. *Имяше же она особый двор жителный и пребываше сама едина с челядию своею* (Повесть о семи мудрецах, 1988, с. 240)<sup>8</sup>.

В Повести о Фларенте и Георгии мы имеем мотив заключения в башню, но без мотива охранения от женихов:

Когда французского короля супруга родила дщерь, именем Фларенту, которая во младенчестве себя оказала красотою пребезмерною лица... Потом избрав в своем саду хорошее место, в котором *приказал учинить каменны столп, а на нем построить два покоя...* в которья определил быть его дочери Фларенте, и *при ней определены были две девицы-мамки*, которья в тех покоях были. И как случилось быть оной Фларенте в летах юношеских, на что определена была при ней некоторая фрелина для обучения той королевны грамоте, музыки и танцевать (Повесть о Фларенте и Георгии, 1993, с. 386–387).

Общими в упомянутых произведениях являются сопровождающие описание уединенной жизни девицы мотивы: исключительная красота девушки (Гистория, «Слово о судьбах божиих...»), Повесть о Александре и Лодвике, Повесть о Фларенте и Георгии), ее премудрость (Гистория, «Слово о судьбах божиих...»), По-

---

<sup>8</sup> В более ранней редакции нет ни охраны от мужчин, ни особого дома для дочери, см.: (Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 217).

весть о Александре и Лодвике), отцовская любовь (Гистория, Повесть о Александре и Лодвике), обустройство и украшение отцом жилища для дочери (Гистория, «Слово о судьбах божиих...»), забота отца об обучении дочери наукам (Гистория, Повесть о Фларенте и Георгии), веселье девицы в своем доме (Гистория, «Слово о судьбах божиих...») <sup>9</sup>.

В событийном ряду русских повестей о похищении красавицы или похищении девической чести начальный мотив охранения девушки от женихов связан с последующим появлением тайного возлюбленного. Таковы повествования об Александре и Лодвике, об Алфонзе Рамире и прекрасной Ангелике (этот роман был популярен в России в середине XVIII в.) и Гистория <sup>10</sup>. Начальный мотив уединенного житья девицы в развитии действия некоторых повестей завершается побегом из дома (R213 «Побег из дома»). В Гистории за встречей в доме отца и свиданием в саду, за взаимными клятвами и обещанием «содержать... до уреченного времени во всякой девической чистоте» следует бегство Ляцыоны из-под опеки родителя:

И потом просил Лудвик Ляцыону к себе на квартиру. И она тому рада бысть, ибо чаела тут положить желание свое, *еже бы утти ей от отца своего*, и объявила то свое мнение Лудвику. И он тому рад бысть зело. И она итти к нему на квартиру не изволила, но скоро пошла в дом свой и всех и[с] своей спални дам распустила, токмо одна юнкор девка осталас, и она мнение свое объявила. И *набравши всяких вещей бралантовых и алмазных две великие шкатулы, також и чемодан с платьем, да и червонцов взяла, насыпавши в шкатулу пятьсот тысяч*, и тайно нощию тою с одной своей девкой вышедши и[с] своея спални, и пришла в сад, и то все передала Лудвику в окно <...> И повеле Лудвик закладывать лошадей в кореты, також и седлать. И забравши со всем своим капиталом и взяв возлюбленную свою Ляцыону, посадил с собою в корету, також и девку-юнкар, и поидоша тихо из града (л. 275 – 275 об.).

Начало и окончание Гистории – надзор за девицей и бегство влюбленных – на первый взгляд сближает ее с упомянутым выше сюжетом об украденной жене (СУС 860В\* «Украденная жена», СУС и АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника») <sup>11</sup>. Однако в ней отсутствуют характерные для новелл этого типа сюжетные пуанты: нет тайного хода или другого оригинального проникновения в уединенное жилище, нет игры в двойника.

Ряд беллетристических произведений – о Петре Златых Ключей, о российском кавалере Александре, об Алфонзе Рамире и Ангелике – не имеют мотива заклю-

<sup>9</sup> Ср.: P234 «Отец и дочь», F575 «Исключительная красота», J140 «Мудрость (знания), приобретенная через обучение», J1111 «Умная девушка», D1710 «Обладание волшебными силами».

<sup>10</sup> Повести об Алфонзе Рамире и Ангелике посвящена статья: [Курьшева, 2011].

<sup>11</sup> Сюжет об увозе жены в варианте АТУ 1419Е «Подземный ход к дому любовника (Inclusa)» представлен в русской рукописной беллетристике четырьмя произведениями: переводной новеллой о короле, его жене и рыцаре из сборника Повесть о семи мудрецах, «Историей о короле Делфе Сирском», «Историей о португальской королевне Анне и о гишпанском королевиче Александре», а также недавно найденной «Повестью о гишпанском короле Бренгдере и о супруге ево королевне Меригдете». Исследованию соотношения первых трех памятников посвящена статья: [Лихтман, 1976], последнее беллетристическое произведение готовится нами к публикации.

чения девицы в особом доме (башне), но в них имеются и тайный возлюбленный, и бегство любовников из дома. Отъезд Лудвика и Ляцыоны, описание «багажа» беглянки, в который входят деньги, драгоценности и вещи, напоминают сцену бегства из Повести о Петре Златых Ключей. Вот соответствующий эпизод из повествования о Петре и Магилене:

И князь Петр шед на двор свой с великим с веселием и стал готовиться. *А кралева ждала уреченного часу и тайно готовилась <...>* Потом взяла себе кралева золота и серебра множество много, и драгих запан, и вещей всяких преузорочных. Князь же Петр взяв кралевну и посади ее на конь, а на другой конь положил себе на потребу и кралевне, что дороною есть, а на третий конь сам сел (Повесть о Петре Златых Ключей, 1964, с. 301).

Кроме того, описание бегства любовников в Гистории отчасти сходствует с эпизодом из романа об Алфонзе Рамире и Ангелике, в котором героиня и ее возлюбленный бегут из города, прихватив драгоценности:

Ангелика, усмотря, что отец ее к защищению пролома побежал, надеясь, что он город от французов отстоял, и для того согласясь с мнимою своею камер-фрелиною Рамирою, то есть маркезом де Медором, *все свои драгоценнейшия клейноты забрала к себе*, с Рамирою в дом Родерика-купца гишпанского отослала, а по убрании всего, видя, что мать ее королева от печали вне себя находилась, и *избрав то за способной к побегу своему случай*, и сама с Рамирою в дом Родериков ушла и там опасаясь, чтоб ее не опознали, убрался в ковалерское платье, скрылась (История о Алфонзе Рамире и Ангелике, л. 37 об. – 38).

Несмотря на то что побег из дома довольно частотен в русских повестях (это повести на сюжет АТУ 1419Е, а также Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о русском кавалере Александре и др.), детали побега скорее связывают Гисторию с Повестью о Петре Златых Ключей и романом об Алфонзе Рамире и Ангелике.

Перейдем к следующему мотиву, имеющему сюжетообразующее значение. С самого начала развитие действия в Гистории осложнено мотивом похвальбы. Барон велит прийти дочери в собрание, чтобы похвастаться перед гостями ее красотой и умом:

...барон Август посла камординера своего по свою дочь прекрасную Ляцыону и приказал просить, чтоб изволила быть к ним в компанию и *учинила бы себя всем явну, дабы знали премудрость ее и в иностранных государствах <...>* «да повелит мне благородие твое показать пред сими гостями нашими некую часть от обретающихся во мне премудростей, да видевши мою хитрость в своем государстве *прославлять дела и обхождения нашего государства*» (л. 269 об. – 270 об.).

В русской беллетристике встречается похвальба добродетелью жены. Во-первых, это Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей, в основе которой лежит переведенная с польского языка новелла Боккаччо [Małek, 2013]. Действие запускает спор-заклад о женской верности, часть которого составляет похвальба купца Викентия добродетелью жены<sup>12</sup>. Этот мотив – N15 «Спор о целомудрии» – открывает повествование, относящееся к сказочному типу «Спор о верности жены» (АТУ 882 «Спор о целомудрии (Цимбелин)», СУС 882А).

<sup>12</sup> В сюжетно близкой Повести о дворянине Карле и его сестре Софии мотивов похвальбы и заклада нет.

В фольклорной традиции, как показало исследование И. Жепниковской, диапазон хвастовства шире: встречаются похвальба богатством, конем, казной, красотой и добродетелью жены [Rzepnikowska, 2015, s. 58–60].

Во-вторых, в рукописной беллетристике есть пример того, как мотив похвальбы добродетелью оказывается частью другого сюжета. В Гистории о Ярополе царевиче сановник хвастается перед царем добродетелью дочери и впоследствии при участии царя убеждается в том, что ничего о ней не знает [Николаева, 1949, с. 62]. В этой части повествования реализуется сюжет о покинутом сыне, и он осложнен мотивами, благодаря которым в нем появляются дополнительные оттенки: N15 «Спор о целомудрии», Q330 «Наказание самонадеянности», подземный ход из АТУ 1419Е «Заключенная красавица (Inclusa)».

Еще одно популярное в России произведение, в котором отец хвастается дочерью, более других сходно с Историей. Это уже упомянутая История о Алфонзе Рамире и Ангелике. Король Дезидерий особенно любит младшую дочь и, гордясь ее красотой и разумом, ожидает от того получить своему государству большие выгоды:

Четвертая же принцесса Ангелика была еще в малых летех и *красотою своею пред многими* в то время в Европе знатными девицами сияла, к тому же и *остротою разума от природы была одарена*, чего ради отец ее король, надеясь из нея к *распространению государства своего знатной пользы*, особливо ее любил и обучал чрез призванных из разных государств профессоров всем принадлежащим к знатым принцессам наукам. А как оныя профессеры в постижении возраста ее 12 лет объявили, что она все их науки совершенно знает и окончила, тогда король Дезедерий для увеселения ее учредил в столичном своем граде Тинине публичные оперы и комедии... Потом учрежденные от короля Дезедерия в столичном ево граде Тинине для принцессы Ангелики оперы и комедии прославились во всей Европе, что многие европейских дворов принцы для увеселения оными в Тинин приехали и королю Дезедерию объявились... *Дезедерий же, желая себе наивящие в Европе почтение получить*, всех приезжих в Тинин иностранных ковалеров принимал по достоинствам их с особливою учтивостию, и имел их при дворе своем, и чинил богатая трапезы, балы и куртаки, при чем многия, видя красоту принцессы Ангелики прекрасной, пламенем любви к ней возгорелись» (История о Алфонзе Рамире и Ангелике, л. 2–3).

Как мы видим, с популярным романом об Алфонзе Рамире и Ангелике Гисторию объединяют мотивы красоты и ума героини, обучения наукам, гордости отца за дочь, его ожидания пользы от этого, а именно возрастания собственного влияния среди европейских народов и государств.

Мы выявили сюжетную основу Гистории. Она сводится к побегу девушки из дома с возлюбленным. Перейдем к поиску параллелей к центральным эпизодам Гистории, повествующим о знакомстве молодых людей и об их встрече в саду.

Любовь вспыхивает между персонажами во время званого обеда (ср.: T15 «Любовь с первого взгляда», T34 «Влюбленные встречаются на светском мероприятии»):

Потом поидоша все и седоша по стулам. Лудвик же к Ляцыоне весма воспалился любовию сердечною, тако ж и она к нему. И сяде Лудвик в стуле против Ляцыони. И *друг на друга зело умилительно взирали и многие тут промеж себя училили мины* (л. 270 об.).

В продолжение вечера Ляцыона при помощи своего искусства устраивает для гостей видение, содержание которого состоит в том, что сама богиня Венера соединяет влюбленных<sup>13</sup>. Затем следуют речи влюбленных, танцы и объяснение в любви, которое сопровождается обмен подарками: Лудвик получает перстень, а Ляцыона – табакерку с портретом возлюбленного. Подобный эпизод имеется в романе о Алфонзе Рамире и Ангелике.

Описание искусного танца, эффекта, производимого им, наряду с описанием мастерского владения музыкальным инструментом, входит в «канон» многих любовных историй. Мы встречаем такие эпизоды в Повести об Аполлонии Тирском, в Гистории о царевиче Ярополе, в Гистории о Франце Мемзонзилиусе. Обратим внимание на сцену совместного танца Моафа и Алемпиады, в которой мы имеем почти дословное совпадение с Гисторией (ср. с цитатой выше):

И оной царевич так тонцова с королевною, что от поту лица своего не можно терпеть, а ростатца не охото, понеже *друг на друга взирали и любезныя мины подавали*, точию не можно было словесно говорети о любви, что все на них смотрят и очей своих не сносят (Гистория о царевиче Ярополе, 1905, с. 187).

Предположение о связи этих произведений требует дополнительного исследования. Не исключено, что это совпадение речений восходит к общему фонду любовных формул. Выражения «учинить мины» и «подавать любезные мины» восходят к фр. выражению *faire bonne mine à quelqu'un* [Епишкин, 2010; СЛРЯ, 2001, с. 191]<sup>14</sup>.

Обратимся к эпизоду, в котором баронская дочь видит героя во второй раз и пленяется его игрой на музыкальном инструменте (ср. Т56.1 «Невеста (возлюбленная) привлечена музыкой»). Вернувшись с посольского приема, Лудвик садится в своей квартире напротив открытого окна, чтобы насладиться свежим воздухом. Увидев красивый дом, он узнает через слуг, что это дом Ляцыоны. Обрадовавшись удобному случаю, он играет на арфе так, чтобы возлюбленная услышала его. Привлеченная звучанием неизвестного инструмента, Ляцыона сначала слушает музыку из своих покоев, а затем выходит к Лудвику в сад:

И как пришел Лудвик на свою квартиру, и розделся и был толко в одном шлафоре, курил трубку, сидя на своей постеле, и тогда стал быть глубокий вечер. И он повеле своему камордину отворить окно для приятности от зори благовойнаго воздуха... тогда Лудвик... сел под тем окном против спални Ляцыониной в сад и *взял арфу и нача играть весма изрядные и веселые танцы*. А в Аглянце никогда нихто на том инструменте не игрывал. И как Ляцыона услышела онога инструмента звук, и прибежала скоро к окну с не со многими дамами, и отворила окно, нача слушать игры тоя, кто и где и на каком инструменте *так весма пресладко играет*, и много смотривши и слушавши. Усмотрила одна дама в окне сидящаго Лудвика, играюща на том инструменте. А Лудвик давно уже видит, что Ляцыона смотрит <...> Тогда Ляцыона увидела и познала, что то сидит Лодвик (*так!*), и весма бысть в великом веселии, и скоро пошла с теми дамами... И как пришли в сад, увидел ея Лудвик,

---

<sup>13</sup> Содержание видения проанализировано: *Курьшева Л. А.* Гистория о девице Ляцыоне как русская беллетристическая повесть времен правления Елизаветы Петровны (подготовлена к печати). По нашей гипотезе, эпизод связан с сюжетом плафона «Триумф Вереры», исполненным Тьеполо для дворца М. И. Воронцова.

<sup>14</sup> Ср.: [Richelet, 1694, vol. 2, p. 35].

не мог вытерпеть, и как сидел, так и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселые канты (л. 273 об. – 274 об.).

Помимо Гистории, мотив встречи влюбленных в саду (см. Т35 «Свидание влюбленных») мы имеем в Повести о российском кавалере Александре, романе об Алфонзе Рамире и Ангелике, Гистории о Фенарсе и Феантере.

В русской беллетристике XVII–XVIII вв. мы встречаем упоминания о мастерской игре на различных музыкальных инструментах: на гусях (повести о Василии Златовласом, об Аполлонии Тирском), на цитре (повесть о Долторне и Элеоноре), на флейте-реверсе (повести о российском кавалере Александре, о французском сыне), на арфе (повести о Франце Мемзонзилиусе, о Ярополе царевиче, о Василии Кариоцком, о шляхецком сыне и Гистория).

Мотив искусного владения музыкальным инструментом (ср.: Т56.1 «Возлюбленная (невеста) привлечена музыкой» и Т56.1.1. «Внимание невесты привлечено флейтой») имеет сюжетобразующее значение во многих беллетристических произведениях. Во-первых, это повести о разборчивой невесте. Искусная игра на музыкальном инструменте позволяет отвергнутому жениху под видом слуги проникнуть в королевское окружение, завоевать доверие, а затем отомстить высокомерной принцессе. Это повести о Василии Златовласом, о Франце Мемзонзилиусе, о французском сыне.

Во-вторых, этот мотив используется в сюжетах о женитьбе на царской дочери (повести об Аполлонии Тирском, о Ярополе царевиче, в какой-то степени – о шляхецком сыне). За мастерское владение музыкальным инструментом (ср. F679.9), чудесное пение (F688 «Человек с чудесным голосом») и искусный танец (F699.1 «Чудесный танцор») герой получает в жены царскую дочь.

В-третьих, он задействован в сюжетах, где есть разлученные любовники. Когда-то влюбленные музицировали вместе, при помощи знакомой обоим мелодии герой дает знать возлюбленной о себе (Повесть о Долторне и Элеоноре, Повесть о Василии Кариоцком)<sup>15</sup>.

Кроме того, в рукописных повестях мы встречаем игру героя на музыкальном инструменте для собственного увеселения. В то время как он забавляет себя музыкой, его игру слышит будущая возлюбленная. Это мотив, популярный в мировой литературе. Так описана первая встреча идеальных любовников в средневековом романе о Тристане и Изольде. Во всех европейских версиях Тристану сопутствует слава искусного музыканта-арфиста [Михайлов, 1976, с. 628–629, 632; Покровская, 1994, с. 42]. Раненый Тристан просит положить с ним в лодку музыкальные инструменты и пустить ее по воле волн. Лодку приносит к берегам Ирландии, он лежит под балдахином в лодке и играет на арфе. Чудную игру слышат в королевском дворце, и очарованные искусством король и его дочь приходят на берег моря. Русских текстов перевода этого романа неизвестно, однако прозаическая старобелорусская версия романа – Повесть о Трыщане – появилась в виде рукописной книги уже в XVI в. Вот соответствующий эпизод:

И рек Трыщан: «И хотя пак умру там, однакож и тут умру, а коли будет божья воля, ино мя море и ветр к фортуне прынесет. А коли будет судно готово, *вложы мя в него и дай ми мою арфу, а другую лютню, а на час себе гуду, абы ми туги и болести легчало*» <...> И так шли два дни, и прыгнула его фортуна в Орленьдэю

<sup>15</sup> О генетической связи повестей в этом эпизоде см.: [Моисеева, 1965, с. 50].

### Сюжет в литературе и фольклоре

под один город, в котором был король Ленъвиз. Тот мел в себе жону, сестру короля Амурата, котораго убил Трыщан, и мел в себе дочку на имя Ижоту. Она пanna велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы не могла злечыти. *И коли Трыщан был на край моря перед замком, он с того был велми весел и взял арфу и настроил и почал играти, што науудней мог.*

Король Ленъвиз видел с палацу и прыступил ближе и слухал великий час, и было ему видет велми дивно, *иж так цудне и жалостне играл*, а судно коштовно покрыто злотоглаво {парчою}. И призывал к себе королевую, и она видела судно и слышала арфу и дивилася много.

И рекла королю: «Прошу тебе, идемо видети онога дива». И пошли надол к мору самидва и слухали арфы, поки перестал (Повесть о Трыщане, 1888, с. 23–24).

Близкую сюжетную ситуацию мы встречаем в Повести о российском кавалере Александре:

Во един же от дней тех к вечеру *наиде на Александра незнапное уныние*, от котораго никоими забавами избавится нем мог. *И взяв флейт-реверс, и нача играти, и мало себе тем от уныния увеселил.* Которая игра ево была слышна в помянутых пасторских полатах... И такой ево флейт-реверс подавал глас, что пасторская дочь от сна пробудилась и послала девку свою Ассилию проведать, кто играет, *а сама села у окна в близости и с великим умилением слушала...* игра она великое желание и к слушанию ея привлекла (Повесть о российском кавалере Александре, 1965, с. 215).

При этом есть отличия в Гистории и Повести о российском кавалере Александре. Хотя элемент случайности встречи присутствует в Гистории, однако Лудвик намеренно привлекает внимание Ляцыоны игрой на арфе – инструменте, неизвестном никому в городе:

А в Аглянце никогда ни кто на том инструменте не игрывал <...> и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселые канты. И подшед к Ляцыоне, и ей поклонился, и рече французским языком: «Здравствуй, любезная моя Ляцыона». Тогда и она ему поздравовала и просила: «Господин ковалер, как сей инструмент зовется?». И он сказал: «Инструмент сей, государыни, зовется арфа, а я учился играть на ней ва Британии» (л. 274 об. – 275).

Признаем, что в этом эпизоде есть пока не объяснимая сторона. Во времена создания повести, а именно в середине XVIII в., признанной страной, воспитывающей лучших арфистов, считалась Италия [Покровская, 1994, с. 46; 2018, с. 21–22]. Современное название инструмента – *арфа* – дал также местный диалект латинского языка. И хотя родиной инструмента по праву считается Британия (Шотландия, Англия и Уэльс), там инструмент имел другое наименование, которое использовалось вплоть до начала XVIII в. [Покровская, 1994, с. 29–42; 2018, с. 16]. Согласно Гистории, Лудвик обучился игре на арфе в Британии<sup>16</sup>, и это не вполне согласуется с реалиями того времени. Остается предположить литературное происхождение мотива. В одной из версий романа Изольда спрашивает, где Тристан постиг искусство игры на арфе. На что он неопределенно отвечает «там». Но читатель знает, что к берегам Ирландии Тристан пребывает из Англии. Таким образом, искусная игра Лудвика на удивительном инструменте – арфе – и упоми-

<sup>16</sup> Ср.: лексема «вританы» для обозначения жителей Великобритании (Британии) [СлРЯ, 1985, с. 140–141].

вание об обучении музицированию на нем в Англии, возможно, служит литературной отсылкой к легенде о Тристане и Изольде. Не исключаем и другой вариант объяснения: поскольку, как мы показали в другой статье, это беллетристическое произведение представляет собой повесть «с ключом», упоминание об арфе и Британии имеет отношение к биографии прототипа Лудвика.

Мы выявили сюжетную основу *Истории*. Она сводится к побегу дочери из-под опеки отца и при этом не имеет прямой связи с популярными сюжетами о похищении девической чести или об увозе жены. В *Истории* отсутствуют новеллистические пуанты, характерные для повестей о разборчивой невесте, а также сказочные типы АТУ 882 и 1419Е, делающие повествование необычным и занимательным: нет оригинального проникновения в уединенное жилище, нет тайного хода и игры в двойника. Описание встречи молодых людей и их бегства «обыгнано». Что косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что главным эпизодом *Истории* является содержание видения, устроенного искусством Ляцыоны, – соединение Венеры двух влюбленных. Видение занимает существенную часть текста, особенно по сравнению с описаниями сговора о побеге и отъезда Ляцыоны и ее возлюбленного. В деталях и мотивных компонентах *Истории* обнаруживаются параллели с *Повестью о Петре Златых Ключей*, с романом об Алфонсе Рамире и Ангелике, с *Повестью о российском кавалере Александре* и, возможно, с *Историей о Ярополе царевиче* и старобелорусской *Повестью о Трыщане*.

*Повесть* входит в так называемую «пятую рукопись» сборной рукописи из Основного собрания НИОР БАН (19.2.38, л. 267 – 275 об.). В целом сборная рукопись датирована третьей четвертью XVIII в. [ОРО БАН, 1951, с. 342]. Между тем в интересующей нас пятой рукописи сборника преобладает бумага с тремя типами филиграней, использование которой относится к 1750–1760-м гг.: 1) Литеры «ФК» и «ПР» [Клепиков, 1978, № 965, 1753 г.]; 2) герб Ярославля (тип 3) и литеры «ЯМЗ» (крупно) [Там же, № 1070, 1756 г.]; 3) «ЯМАЗ» [Там же, № 1054, 1765 г.]. Таким образом, формирование рукописи, в которой располагается *История*, относится к 1750–1760-м гг.

В рукописи *Истории* имеются ошибки писца, из чего можно заключить, что перед нами список произведения, а не протограф. Представим литературное окружение этого оригинального произведения. Оно состоит из популярных любовных повестей, большая часть которых встречается в других сборниках беллетристического характера. Поименуем их, приведя названия в кратком варианте, в соответствии с общепринятыми в исследовательской литературе, или по именам главных действующих лиц): 1) *История о Цылодне и Цыццилии*; 2) *История о Лафарии и Маргарите*; 3) *История о Арзасе и Размире*; 4) *История о Гендрике и Меленде*; 5) *История о девице Ляцыоне*; 6) *История о Ипполите и Жулии*; 7) *История о Евдоне и Берфе*.

Дополним существующее описание наблюдениями о писцовых и читательских пометах. На л. 267 над заглавием тем же почерком, каким написана вся повесть, но другими чернилами выполнена орнаментальная надпись «*История*». На этом же листе имеется читательская помета, написанная другим почерком – «*Прачтена*»; написано дважды – сразу под заглавием и на нижнем поле листа. На л. 275 об. под окончанием повести тем же писцовым почерком, но другими чернилами следует несколько записей (нумерация введена нами для удобства): 1) «сим кончилос»; 2) «любезная и всему свету курioзная инвертура»; 3) «Валтасар король Тадурец»

кой»; 4) «любезная и всему свету курioзная инвентура во аглинском королевстве недавно в минувшем веце бысть случившаяся и чрез труды обретенная и на свет произведенная»; 5) «веце бысть»; 6) «о Ипполите»; 7) «Гистория о Ипполите и Жулии»; 8) «Цылодом»; 9) «Валтасар король Табурецкой»; 9) «паде Вавилон». Кроме того, между строк вписано «куриозна» и «я я».

Перед нами пробы пера – короткие цитаты – и краткие обозначения повестей. Так, 2-я и 4-я записи, как и повторы из них – 5-я и 6-я, имеют отношение к популярной Истории о Ипполите и Жулии, которая следует в этой рукописи за Гисторией о девице Ляцыоне. А имя персонажа «Валтасар», король Табурецкий или Тадурецкий, следующее из 3-й и 9-й записей, является единственным упоминанием, по-видимому, о не дошедшей до нашего времени рукописной повести. Запись 8-я, вероятно, кратко обозначает повесть о Цылодоне и Цыцылии, которая открывает череду повестей в этой тетради (см. выше порядок повестей). Таким образом, записи на этом листе представляют собой «перечень различных “гисторий”» [Новицкая, Ромодановская, 1998, с. 191], сделанный писцом, возможно, для краткого напоминания самому себе.

При публикации Гистории (см. приложение), особенности правописания оригинала сохранены со следующими отступлениями к новым орфографическим нормам: ер (ѣ) на конце слов опущен; устаревшие знаки «ять» и «омега» заменены на *e* и *o*, ижица и *i* – на *u*. Воспроизводятся особенности произношения того времени, отраженные в правописании: форма прилагательного мужского рода единственного числа на -ой («зовомой Аглянец»), форма множественного числа на -ия («дамския персоны»); графическое отражение аканья. Сохранено правописание, если оно передает особенности языка оригинала. Пунктуационные знаки по возможности приведены в соответствие с современными нормами.

### Список литературы

АТУ – *Aarne A. – Thompson St. – Uther H.-J.* Index of international folktales. URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (дата обращения 07.09.2024).

*Веселовский А. Н.* Сказания о красавице в тереме и русская былина о Подсолнечном царстве // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Ч. 196, № 4, Отд. науки. С. 183–238.

*Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭСТ, 2010. 5140 с.

*Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М.: Наука, 1978. 236 с.

*Курьшева Л. А.* Историческое предание и литературные источники в рукописном романе «История о Алфонсе Рамире» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 11–19.

*Лихтман З. Т.* Из истории одного сюжета (повесть об украденной жене) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1976. С. 243–262.

*Михайлов А. Д.* История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подгот. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. С. 623–697.

Моисеева Г. Н. Идейно-художественный анализ повести о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 39–56.

Николаева М. В. «История о Ярополе царевиче» и сказочно-былинная традиция // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 52–66.

Новицкая М. Ю., Ромодановская Е. К. Об источниках и структуре Повести о королевиче Валтасаре // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 191–209. (Археография и источниковедение Сибири; [вып. 18])

ОРО БАН – Описание рукописного отделения БАН / Под ред. А. П. Конусова, В. Ф. Покровской. М.; Л., 1951. СССР. Т. 4. Вып. 1 (Повести, романы, сказания, сказки, рассказы). 589 с.

Покровская Н. Н. История исполнительства на арфе. Курс лекций для оркестровых факультетов (струнное отделение) музыкальных вузов. Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 1994. 352 с.

Покровская Н. Н. Арфа в эпоху высокого Ренессанса и барокко // Вестник КемГУКИ. 2018. № 45. С. 13–30.

Пытин А. Н. Для любителей книжной старины. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888. 74 с.

СлРЯ – Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1985. Вып. 2. 247 с.; СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 252 с.

Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: материалы для истории русской литературы XVIII века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 267 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточно-славянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Binder G. Danae // Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen: De Gruyter, 1977. Bd. 1. S. 259–267.

Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen; Berlin; New York, De Gruyter, 1977–2015, Bd. 1–15.

Kuehne U. Inclusa (AaTh 1419E) // Enzyklopaedie des Maerchens. Handwoerterbuch zur historischen und vergleichenden Erzaehlforschung / Hrsg. von K. Ranke. Goettingen: De Gruyter, 1993. Bd. 7. S. 109–113.

Malek E. «Повесть утешная о купце» Беньаша Будного в Польше и на Руси. (Между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 270 с.

Malek E. История о Гендрике и Меленде и ее драматическая обработка. К вопросу о судьбе древнепольского романа в России. Warszawa: BEL Studio, 2017. 257 с.

Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles et remarques sur la langue française. Genève: chez J. H. Widerhold, 1694. Vol. 2. 97 p.

Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella. Bloomington, Indiana, 1942. 216 p.

Rua G. *Novelle del "Mambriano" del Cicco da Ferrara*. Torino: Ermanno Loecher, 1888. 149 p.

Rzepnikowska I. Сказки типа «Спор о верности жены» и древнерусские редакции Повести о купце Беньяша Будного (эпизоды первой части) // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica*. 2015. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. Традиция и инвенция в славянских литературах. S. 53–66.

Thompson St. *Motif-Index of Folk-Literatur*. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (дата обращения 07.09.2024).

#### Список источников

Гистория – БАН. № 19.2.38. Л. 267 – 275 об. Гистория о девице Ляцыоне, баронской дочери аглянских баронов Римсаго и Цесарских областей правления, и о ея премудрости.

Гистория о царевиче Ярополе // Сиповский В. В. *Русские повести XVII – XVIII вв.* СПб.: И. С. Суворин, 1905. С. 180–241.

История о Алфонзе Рамире и Ангелике – БАН. № 19.2.38. Л. 1 – 89 об. История о Алфонзе Рамире короле гишпанском и о прекрасной Ангелике пренцесе лонгобардской именуемая неистовый Ролянд.

Повесть о Петре Златых Ключей / Подгот. В. Д. Кузьминой // Кузьмина В. Д. *Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей*. М.: Наука, 1964. С. 275–331.

Повесть о российском кавалере Александре // *Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой*. М; Л., 1965. С. 211–294.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. и коммент. И. Д. Казовской // *Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 1*. М.: Худож. лит., 1988. С. 192–266.

Повесть о семи мудрецах / Подгот. и коммент. И. Д. Казовской // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 2006. Т. 15: XVII в. С. 175–227.

Повесть о Трыщане // Веселовский А. Н. *Из истории романа и повести*. СПб., 1888. Вып. 2. Славяно-романский отдел. С. 1–127 второй пагинации.

Повесть о Фларенте и Георгии / Подгот. Ю. К. Бегунова // *XVIII век*. СПб.: Наука, 1993. Сб. 18. С. 386–397.

«Слово о судьбах божиих, яко небо и земля мимо идет, а словеса моя не имут преити» / Подгот. Е. К. Ромодановской // *Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири*. Новосибирск: Наука, 1982. С. 239–241.

#### References

Aarne A. – Thompson St. – Uther H.-J. *Index of international folktales*. URL: <https://libraryguides.missouri.edu/c.php?g=1039894&p=7541717> (accessed 07.09.2024).

Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (eds.). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]*. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Binder G. Danae. In: Ranke K. von. (Hrsg.). *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Goettingen, De Gruyter, 1977, Bd. 1, S. 259–267.

Epishkin N. I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [Historical dictionary of Gallicisms of the Russian language]. Moscow, EST Publ., 2010, 5140 p. (in Russ.)

Klepikov S. A. *Filigrani na bumage russkogo proizvodstva XVIII – nachala XX v.* [Filigree on Russian paper, 18<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century]. Moscow, Nauka, 1978, 236 p. (in Russ.)

Konusov A. P., Pokrovskaya V. F. (ed.). *Opisanie rukopisnogo otdeleniya BAN SSSR* [Description of the manuscript department of the BAN USSR]. Moscow, Leningrad, 1951, vol. 4, iss. 1, 589 p. (in Russ.)

Kuehne U. *Inclusa (AaTh 1419E)*. In: Ranke K. von. (Hrsg.). *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Göttingen, De Gruyter, 1993, Bd. 7, S. 109–113.

Kuryshova L. A. *Istoricheskoe predanie i literaturnye istochniki v rukopisnom romane “Istoriya o Alfonze Ramire”* [Historical Tradition and Literary Sources in the Handwritten Novel “The Story of Alfonso Ramir”]. *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 1, pp. 11–19. (in Russ.)

Likhtman Z. T. *Iz istorii odnogo syuzheta (povest' ob ukradennoi zhene)* [From the history of one plot (a story about a stolen wife)]. In: *Novye cherty v russkoi literature i iskusstve (XVII – nachalo XVIII v.)* [New features in Russian literature and art (17<sup>th</sup> – early 18<sup>th</sup> centuries)]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 243–262. (in Russ.)

Małek E. *“Povest' uteshnaya o kuptse” Benyasha Budnogo v Pol'she i na Rusi. (Mezhdru renessansnoi novelloi i nazidatel'noi povest'yu)* [“The Comforting Tale of the Merchant” by Benyash Budny in Poland and Rus'. (Between the Renaissance Short Story and the Instructive Tale)]. Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013, 270 s. (in Russ.)

Małek E. *Istoriya o Gendrike i Melende i ee dramaticheskaya obrabotka. K voprosu o sud'be drevnepolskogo romana v Rossii* [The story of Gendrik and Melenda and its dramatic adaptation. On the fate of the ancient Polish novel in Russia]. Warszawa, BEL Studio, 2017, 257 s. (in Russ.)

Mikhailov A. D. *Istoriya legendy o Tristane i Izol'de* [History of the Legend of Tristan and Isolde]. In: Mikhailov A. D. (ed.). *Legenda o Tristane i Izol'de* [The Legend of Tristan and Isolde]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 623–697. (in Russ.)

Moiseeva G. N. *Ideino-khudozhestvennyi analiz povesti o rossiiskom matrose Vasili* [Ideological and artistic analysis of the story about the Russian sailor Vasily]. In: Moiseeva G. N. (ed.). *Russkie povesti pervoi treti XVIII veka* [Russian stories of the first third of the 18<sup>th</sup> century]. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 39–56. (in Russ.)

Nikolaeva M. V. *“Istoriya o Yaropole tsareviche” i skazочно-bylinnaya traditsiya* [“The Story of Tsarevich Yaropol” and the Fairy-Tale Tradition]. In: *Works of the Department of Old Russian Literature*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, vol. 7, pp. 52–66. (in Russ.)

Novitskaya M. Yu., Romodanovskaya E. K. *Ob istochnikakh i strukture Povesti o koroleviche Valtasare* [On the sources and structure of The Tale of King Belshazzar]. In: *Istoriya russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* [History of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries]. Novosibirsk, 1998, pp. 191–209. (in Russ.)

Pokrovskaya N. N. Arfa v epokhu vysokogo Renessansa i barokko [The Harp in the High Renaissance and Baroque]. *KemGUKI Bulletin*, 2018, no. 45, pp. 13–30. (in Russ.)

Pokrovskaya N. N. Istoriya ispolnitel'stva na arfe. Kurs leksii dlya orkestrovyykh fakul'tetov (strunnoe otdelenie) muzykal'nykh vuzov [History of harp performance. Lecture course for orchestral departments (string department) of music universities]. Novosibirsk, 1994, 352 p. (in Russ.)

Pyпин A. N. Dlya lyubitelei knizhnoi stariny. Bibliograficheskiy spisok rukopisnykh romanov, povestei, skazok, poem i pr., v osobennosti iz pervoi poloviny XVIII veka [For lovers of old books. A bibliographic list of handwritten novels, stories, fairy tales, poems, etc., especially from the first half of the 18<sup>th</sup> century]. Moscow, 1888, 74 p. (in Russ.)

Ranke K. von. (Hrsg.). Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Goettingen, Berlin, New York, De Gruyter, 1977–2015, Bd. 1–15.

Richelet P. Dictionnaire françois, contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles et remarques sur la langue française. Genève, chez J. H. Widerhold, 1694, vol. 2, 97 p.

Rotunda D. P. Motif-Index of the Italian Novella. Bloomington, Indiana, 1942, 216 p.

Rua G. Novelle del “Mambriano” del Cieco da Ferrara. Torino, Ermanno Loecher, 1888, 149 p. (in Ital.)

Rzepnikowska I. Skazki tipa “Spor o vernosti zheny” i drevnerusskie redaktsii Povesti o kuptse Benyasha Bulnogo (epizody pervoi chasti). In: Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2015. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. S. 53–66. (in Russ.)

Slovar' russkogo jazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian language of the 18<sup>th</sup> century]. Leningrad, Nauka, 1985, vol. 2, 247 p.; St. Petersburg, Nauka, 2001, vol. 12, 252 p. (in Russ.)

Speransky M. N. Rukopisnye sborniki XVIII veka: materialy dlya istorii russkoi literatury XVIII veka [Manuscript collections of the 18<sup>th</sup> century: materials for the history of Russian literature of the 18<sup>th</sup> century]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 267 p. (in Russ.)

Thompson St. Motif-Index of Folk-Literatur. URL: <http://folkmasa.org/motiv/motif.htm> (accessed 07.09.2024).

Veselovsky A. N. Skazaniya o krasavitse v tereme i russkaya bylina o Podsolnechnom tsarstve [Tales of the Beauty in the Tower and the Russian Epic of the Sunflower Kingdom]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education]*, 1878, pt. 196, no. 4, pp. 183–238. (in Russ.)

#### List of Sources

BAN [Library of the Academy of Sciences]. No. 19.2.38. Ff. 267–275. Gistoriya o devitse Lyatsyone, baronskoi dochere aglyanskikh baronov Rimskago i Tsesarskikh oblastei pravleniya, i o eya premudrosti [The Story of the Maiden Laciona, the baronial daughter of the Aglan barons of the Roman and Caesarean regions of government, and of her wisdom]. (in Russ.)

Gistoriya o tsareviche Yaropole [History of Prince Yaropol]. In: Sipovsky V. V. Russkie povesti XVII – XVIII vv. [Russian stories of the 17<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> centuries]. St. Petersburg, 1905, pp. 180–241. (in Russ.)

Istoriya o Alfonze Ramire [The Story of Alfonso Ramir] – BAN [Library of the Academy of Sciences]. No. 19.2.38. Ff. 1–89. Istoriya o Alfonze Ramire korole gishpanskom i o prekrasnoi Angelike prentsese longobardskoi imenuemaya neistovyi Rolyand [The story of Alfonso Ramir, King of Spain, and the beautiful Angelica, Princess of Longobardia, called the furious Roland]. (in Russ.)

Povest' o Petre Zlatykh Klyuchei [The Roman of Peter Zlatykh Klyuchey]. Ed. by V. D. Kuzmina. In: Kuzmina V. D. Rytsarskii roman na Rusi. Bova, Petr Zlatykh Klyuchei [Knightly Romance in Rus'. Bova, Peter Zlatykh Klyuchey]. Moscow, 1964, pp. 275–331. (in Russ.)

Povest' o rossiiskom kavalere Aleksandre [The Tale of the Russian Cavalier Alexander]. In: Russkie povesti pervoi treti XVIII veka [Russian tales of the first third of the 18<sup>th</sup> century]. Ed. by G. N. Moiseeva. Moscow, Leningrad, 1965, pp. 211–294. (in Russ.)

Povest' o semi mudretsakh [The Story of the Seven Wise Men. Ed. by I. D. Kazovskaya. In: Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: XVII vek [Monuments of literature of Ancient Rus': 17<sup>th</sup> century]. Moscow, 1988, vol. 1, pp. 192–266. (in Russ.)

Povest' o semi mudretsakh [The Story of the Seven Wise Men]. Ed. by I. D. Kazovskaya. In: Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, 2006, vol. 15: 17<sup>th</sup> century, pp. 175–227. (in Russ.)

Povest' o Tryshchane [The Story of Tristan]. In: Veselovsky A. N. Iz istorii romana i povesti [From the history of the novel and story]. St. Petersburg, 1888, iss. 2. pp. 1–127 second pagination. (in Russ.)

Povest' o Flarente i Georgii [The Story of Flarenta and George]. Ed. by Yu. K. Begunov. In: XVIII vek [18<sup>th</sup> century]. St. Petersburg, 1993, iss. 18, pp. 386–397. (in Russ.)

“Slovo o sud'bakh bozhiikh, yako nebo i zemlya mimo idet, a slovesa moya ne imut preiiti” [“The word about the destinies of God, as heaven and earth pass by, but my words will be fulfilled”]. Ed. by E. K. Romodanovskaya. In: Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri [Old Russian manuscript book and its existence in Siberia]. Novosibirsk, 1982, pp. 239–241. (in Russ.)

Приложение

(Л. 267) Гистория о девице Ляццоне,  
баронской дочери аглянских баронов Римскаго  
и Цесарских областей правления, и о ея премудрости

Бысть в лето от числения Августа-астролага восемь сот шестдесят четвертаго. Близ великаго царствующаго града Рима был город преславны во всем папежском и в<sup>а</sup> его цесарском обладании, зовомой Аглянец, которой во всем был подобен великому острову Малтийскому. И как оной остров славен своими ковалеры, так

---

<sup>а</sup> Испр., в ркп. о.

сей Агянец славен своими баронами, ибо во оном быша многое шляхетство, знатные и богатые люди и зело сияющей мудростию и храбростию своею, которые по рекомендацыи // (л. 267 об.) всего римскаго сикклита именовалися баронами. И во оном городе по регламенту Его цесарскаго величества ведал судом и росправою тамошни же обыватель и зело пребогаты шляхтич барон именем Август, у котораго бысть едина токмо дщерь девица именем Ляцыона. И та бе прекраснаго вида и всяких премудростей внутрьду исполнена.

Отец же ея Август не име жены у себе, вдов, токмо одну оную име при себе доч свою. И видев ея красоту и хитрость ума, весма ея сожалел и возлюбил ея весма своею отеческою любовию. Не восхоте же та дщерь его с таковою прекрасностию иметь власть в гулянии, дабы никто не похитил девическую красоту ея. Того ради всегда имел ю при себе во единой комнате. Аще же куды случится ему из дому своего ехать, то приставлял тетку ея монахиню, Девору именем, со многими дамскими персонами: да всегда хранят благородие ея и да не допустят до нея // (л. 268) никого же от мужеска полу, но всегда да пребывают у нея дамские персоны и во всем оне ея да наблюдают. Аще же когда поедет х кому на асамблюю или на камедию, тогда обыкновен был всегда и ея с собою брать по обыкновению тамошних народов.

Егда же возмужа Ляцыона и бысть лет якобы семнатцети, и войде наукою своею в подобие славной Иреи премудрой, красотою же и добротою и политикою доста же и самыя Минервы, тогда отец ея устрой ей особый дом со многими комнатами и убранством и определи к ней множество дам честных и девиц и множество музыкантов и лакеев, тако ж корет, коней и протчих уборов. И повеле дочери своей тамо бытность свою в чистоте и целомудрии девическом провождати. И тако Ляцыона отъиде во уготованные ей апартаменты с великим веселием и триуном. И бысть тамо дни многия в раскошах, а иногда в науках. //

(л. 268 об.) Поспешила же сластолюбная Венера с проклятым своим Амуром оной Ляцыониной чистоте. Несколько бо времени минувшу прииде в тот град из Великой Цесарии от его цесарскаго величества посол с поздравлением к папе римскому. И бе тракт к Риму, лежит чрез сей город Агянец, при котором после были многие знатные из его цесарскаго величества войска ковалеры. Промежду же протчими был ковалер именем Лудвик, сын самовластнаго цесарских протенционов князя. И зело был храбр и прекрасен. Яко много во всем цесарском войске не обреталос таковаго, и цесарь его весма жаловал. А послан он с послом за надзирателя.

И как оной посол со всеми своими ковалерами приблизили ко граду, тогда возвестили про их пришествие господину барону Августу и всему<sup>б</sup> их градскому сонму. И он, Август, учинил ему, послу, зело церемониятельную встречу со многолюдством всего града и со мною громогланною (так!) музыкою. И посол, съехавши з бароном, учинили<sup>в</sup> // (л. 269) промеж себя комплемент. Потом и Лудвик-ковалер с протчими кавалерами приспели в ту же компанию и, учинивши настоящей комплемент, стали иметь между себя всякие разговоры. И барон Август, как увидел Лудвика, весма почудися красоте и храбрости его.

---

<sup>б</sup> Испр., в ркп. всем.

<sup>в</sup> Испр., в ркп. учинил.

И тако несколько часов умедля, барон Август войско, присланное с послом, тако ж и всех ковалеров, повелел курьермусам (*так!*) своим роставить по квартирам, тако ж и послу и Лудвику повеле сыскать самые лутчие дворы для постоя их. А самого посла и ковалера Лудвика с протчими знатными ковалеры просил в дом свой на обед. И того посол учинить не отрекса и в дом господина барона ехать изволил со всеми своими благородными, с ним же и Лудвик.

И егда посол и все гости съехали в дом баронов, тогда повеле барон настилати на стол скатерти и носити кушанье. И как все уготовили, тогда начаша все веселитися и кушать. И как стол отъиде, тогда стали все забавлятися картами, и шахматы, и в тавлеи, приидоша бонбандуристы и начаша забавлятися играть на разных инструментах. // (л. 269 об.) Тогда барон Август посла камординера своего по свою дочь, прекрасную Ляцыону, и приказал просить, чтоб изволила быть к ним в компанию и учинила бы себя всем явну, дабы знали премудрость ея и в иностранных государствах.

Тогда камординер к Ляцыоне пошел и возвестил ей приказ и прозбу отцовскую. И то слышев, Ляцыона рада бысть и убралас в предрагоценное платье, в самару, и в протчее, на главе же убрала зело пребогатыми вещми. И повеле уготовати от своих апортаментов до отцовых дорогу, по которой<sup>г</sup> возымет путь свой. И повеле на ту дорогу настилати ковры персидские, а по сторонам ставить столбы с фонарями, горящими разноцветным<sup>д</sup> огнем. Одевание ея бысть самара и протчее, все из серебряной без цветов материи, на главе же многие бралиантовые вещи. И тако убравшис, со множеством девиц и честных дам изволила шествовать в дом отца своего [с]<sup>е</sup> предъидущими ей бандуристов и иных музыкантов и с тонцами и пением девическим.

И егда взыде на двор отца своего, и донесли барону, послу и Лудвику, что госпожа Ляцыона // (л. 270) изволит шествовать. Тогда отец ея, и посол, и Лудвик восташа, изыдоша во множестве благородных аглянских и цесарских в сретение ея. И видевше посол тогда весма почудился красоте и премудрости. Тако же и Лудвик, как узре Ляцыону, жестоко в нея влюбился, и воспалися любовью сердца своего к ней, и зело уязвися на ню, и восхоте иметь за любительницу. Тако ж и протчие ковалеры зело на красоту и премудрость Ляцыонину удивившася, и возлюбивша ю. И как Ляцыона изволи притти пред отца своего на крыльцо, тогда учинила отцу своему свой церемониателны комплемент с такою речию: «Государь мой отец, в настоящий день сей светозарны и воздухаприятны пришествия сего благороднаго господина, от его превысочайшаго цесарскаго величества к нашему государю и его иераршеству<sup>ж</sup> преосвещеннейшему и высокопреподобнейшему папе посла вам, моему государю и отцу, от всего моего девического сердца усердно поздравляю и сама приидох семо по вашей прозбе, да веселю компанию вашу моими художествами».

---

<sup>г</sup> Испр., в ркп. которому.

<sup>д</sup> Испр., в ркп. разноцветай. Конъектура сделана по словообразовательной модели синонимичного слова, встречающегося в этой рукописи, – «разноколерный», хотя не исключено чтение «разноцвета[в]ый».

<sup>е</sup> В ркп. нет.

<sup>ж</sup> Испр., в ркп. иераршества.

И оборотяс к послу и Лудвику, також учтиво поклонилас, // (л. 270 об.) и поздравляла пришествию их, и многословеня (*так!*) произносила арации. Потом поидоша все и седоша по стулам. Лудвик же к Ляцыоне весма воспалился любовью сердечною, тако ж и она к нему. И сяде Лудвик в стуле против Ляцыони. И друг на друга зело умилително взирали и многие тут промеж себя учинили мины. Потом, востав Ляцыона с места своего, учинила отцу своему комплемент с такою речью: «Превосходительный государь барон, мой государь отец, возымела я смелость, отложя все мое девическое стыдение против твоего высокоблагородия, произнести слово с моею девическою прозбою. Хощу, да повелит мне благородие твое показати пред сими гостями нашими некую часть от обретающихся во мне премудростей, да видевши мою хитрость, в своем государстве прославлять дела и обхождениа нашего государства». То слышевши, отец ея и рече: «Дражайшая Ляцыона, благ твой глагол бысть в сердце моем, и вся, яже хощеша, изволь учинять, буди в твоей воли».

// (л. 271). Тогда восстав Ляцыона, и призва своего камординера, и повеле ему принести водки сиженной из вина хлебнаго два гарца. И егда камординер водки принес, миску серебряную и поставил пред Ляцыону на стол, тогда Ляцыона взявши меч обнаженны в руку свою, и подняла высоко, и учинила им комплемент ко всем председящим. Потом сяде и дунула на водку, того часа водка загорелась различных колеров огнями.

И внезапно всем председящим помрачишася очи, и видеша друг друга черных аки арапов, токмо едина Ляцыона видом не бысть изменена.

И ослабеша всем уды, яко никто же ни двигнутися, ни говорить не могоша.

И тако им лежащим внезапно бысть звук и шум на воздухе.

И распустися глобус неба.

И слетели два купидона прекраснаго взору, в руках имущи луки, напряжены калеными стрелы, на главе же венцы из лявр леленеющихся.

За ними Меркурий идущ играл на скрипице и наигрывал зело предивные танцы.

За которыми множество маленьких купидон играющих бежало и некакими разноколерными цветочками дорогу устилали, по которой дороге шествовала Венера убрана зело пребогато и приятностию красоты лица своего превосходила солнечное сияние, имуща в одной руке клубок нитей позлащены, // (л. 271 об.) а в другой – скипетр златы, зело преострый.

И тако сошедши им с неба затворися<sup>3</sup> глобус и бысть тишина.

И как оное видение вниде в полаты баронские, и Мекурий стал при дверях и наигрывал танец и сим припевал еще:

«Не хотя Парис иным яблока отдати,

Яко ты, Венера, в любви клубок [и]мати<sup>4</sup>».

А сама Венера пришед сяде на стуле, и погледела на всех гостей и на Лудвика, и усмехнулася, и призвав Ляцыону, и даде ей к целованию руку. И она руку поцеловала, и поклоняс отъиде, и сяде с Лудвиком рядом. Тогда Венера приказала двема купидонам, да подшедши стрелами своими ранят обеих тех любителей.

---

<sup>3</sup> Далее повтор затворися.

<sup>4</sup> Испр., в ркп. мати. Конъектура сделана на основании контекста, кроме того ее подкрепляет расположенная выше фраза в описании Венеры: «имуща... клубок».

И тако купиды подшедше ранили в сердца Лудвика и Ляцону так жестоко, что не мог Лудвик умолчать и закричал: «Ах, что тако ты, Венера, над нами учинила, ныне кроме любезныя моей Ляцоне кто такую мне рану излечит!». И того часа невидимо бысть видение. То и все быша в чувстве, и отверзашася всем очи, и быша аки от сна воставше, и вси дивишася бывшему. Тогда и огонь в водке перестал гореть. // (л. 272) Тогда барон, и посол, и Лудвик, и протчие гости зело подивишася красоте и премудрости Ляцониной.

Потом стали все гости пить и веселится. И как стали все быть под куражем, тогда Лудвик востав, и налил превеликой букал красного, и подступив к Ляцоне, и рече: «Здравствуй, прекрасная Ляцона, в сердце моем зело возлюбленная. Твоего ради здравия сей букал выпью». Тогда Ляцона стала с места своего и поздравила Лудвика политичным комплементом и со благодарением за его к ней исцелство. И как красного выпили, тогда стала играть музыка на разных инструментах и многие кавалеры з дамами стали танцовать, где Лудвик, подшед к Ляцоне и взяв ея за руку, и пошел с нею танцовать. И танцовали многое время так изрядно, что всем во удивление было и в пущее веселие.

И потом все танцовать перестали, и посол изволил с банкета от барона ийти на свою квартиру, при котором повинно быть Лудвику и всем протчим кавалерам. И оное посольское соизволение // (л. 272 об.) придавало Лудвику немалую печаль. Однако ж<sup>к</sup> оную Лудвикову предпостигло счастье, ибо он в тот же мамент, как посол стал подыматся из гостей, пришед к Ляцоне, и стал на колени, и взял ея обе руки, и нача целовати, и сквозь слезы рече: «О любезная в сердце моя Ляцона, могла ли ты признать в сем скором времени огнепалящую сердца моего к тебе горячность? И ежели признала, то прошу содержать нас в нашей горячности! А я иные себе в сем свете, кроме вас, моя дражаншая, веселостей не имею, в чем заклинаюс вам всевышним богом, и желал бы, ежели б благоизволила, ваше благородие, бысть тебе к нам присовокупной вечным веселием, которое, ежели не изволите вы отрещися нашей гнусности, и совершенно получить чаю. Токмо прошу ныне вас, превозлюбленную, принять меня в сердечны и нелицемерны твой амур, и учинить твоим любителем, и в котораго знамении верности пожаловать мне с предражайшей руки вашей едино колцо, да то будет нам в любовное предобручение». То выслушав Ляцона, и подняла его на ноги и рече: «О превозлюбленный мой государь и верный друг Лодвик, // (л. 273) почто так изволите трудить ваше высокоблагородие! Я как еще в первы раз вас увидела, зело распалилас сердце мое к вам любовию, однако ж я оную, хотя и с великим трудом, да могла скрыть в девическом моем корпусе, не ведавши таковыя от вас к себе милости. А ныне, как слышу от вас к моей гнусности желанное сердце, весьма о том радуюся, и вашу любительницею быть во весь свой термин жития весьма желаю, и с руки моей перстень тебе, моему любезному, отдаю с прелюбезным моим комплементом. Токмо прошу вас, моего возлюбленного, содержать меня до уреченнаго времени во всякой девической чистоте».

И тако Ляцона ласковыми словами Лудвику приветство<sup>л</sup> учинивши. И целовалис друг з другом, и сняла Ляцона перстень с руки своея во сто восемьдесят рублей и подарила Лудвика. А Лудвик ей подарил табакирку, на которой написан

---

<sup>к</sup> Далее повтор однако ж.

<sup>л</sup> Испр., в ркп. приветством.

патрет его, и та табакирка ценою в двести шестдесят рублей. А разговаривали оне промеж собою, вышедши из залы. И как промеж себя амур обче утвердили, пришли обратно в зал. И обещался Лудвик с Ляцыоною видетца чрез тридцать // (л. 273 об.) шесть часов. И тако Ляцыона, пришед в зал, учинила отцу своему, и послу, и всем ковалерам достойный комплемент и пошла во свои покои, радуясь о том, что изыскала себе любителя честнаго.

Потом и посол изволил обратно итти на свою квартиру, при котором Лудвик и все протчие ковалеры пошли. И как посол пришел на квартиру, изволил леч отдохнуть, а Лудвика и протчих ковалеров роспутил по своим квартирам. Тогда Лудвик пошел на свою квартиру с своим камордином в великом веселии, что допустило его счастье получить амур с Ляцыоною.

А квартира Лудвикова была весма блиско портаментов Ляцыониных. И как пришел Лудвик на свою квартиру, и розделся и был толко в одном шлафоре, курил трубку, сидя на своей постеле, и тогда стал быть глубокий вечер. И он повеле своему камордину отворить окно для приятности от зори // (л. 274) благовойнаго воздуха. И как окно отворили, тогда Лудвик увидел дом Ляцыонин, зело предивно строен. И посла своего лакея спросить у приворотника: «Чей тот дом, пожалуй, скажи, братец». И воротник сказал ему: «Дом сей началствующаго сим городом баронские дочери прекрасныя Ляцыони, а живет она тут с теткою своею монахиною Деворою, со множеством дамских персон в завсегдашних раскошах. И часто она изволит выходить в сей сад гулять». То слышевши, Лудвиков лакей и пришел к Лудвику, донес все подробно.

Тогда Лудвик весма возрадовася, и скоча [с] стула своего, и ударил трубку о мраморной пол, и закричал: «Благодарю бога, яко щастие к щастию прилож рабу своему!» И пожаловал лакею дватцет червоных, а сам сел под тем окном против спални Ляцыониной в сад и взял арфу и нача играть весма изрядные и веселые танцы. А в Аглянце никогда никто на том инструменте не игрывал. И как Ляцыона услышела оногo инструмента звук, и прибежала скоро к окну с не со многими дамами, // (л. 274 об.) и отворила окно, нача слушать игры тоя, кто и где и на каком инструменте так весма пресладко играет, и много смотривши и слушавши. Усмотрила одна дама в окне сидящаго Лудвика, играюща на том инструменте. А Лудвик давно уже видит, что Ляцыона смотрит. И оная девица, видевши красоту Лудвикову, возвестила Ляцыоне: «Некакой ковалер сидит государыни вас прямо на стуле против окна, играет на некоем инструменте». Тогда Ляцыона увидела и познала, что то сидит Лодвик, и весма бысть в великом веселии, и скоро пошла с теми дамами во оной сад, в котором сошлись ея дому к Лудвиковой квартеры окна.

И как пришли в сад, увидел ея Лудвик, не мог вытерпеть, и как сидел, так и вышел скоро с одним своим камордином в сад тот, играя на арфе зело веселые канты. И подшед к Ляцыоне, и ей поклонился, и рече французским языком: «Здравствуй, любезная моя Ляцыона». Тогда и она ему поздравовала и просила: «Господин ковалер, как сей инструмент зовется?». И он сказал: «Инструмент сей, государыни, зовется // (л. 275) арфа, а я учился играть на ней ва Британии».

И потом просил Лудвик Ляцыону к себе на квартиру. И она тому рада бысть, ибо чаела тут положить желание свое, еже бы утти ей от отца своего, и объявила то свое мнение Лудвику. И он тому рад бысть зело. И она итти к нему на квартиру не изволила, но скоро пошла в дом свой и всех и[с] своей спални дам распустила,

токмо одна юнкор девка осталас, и она мнение свое объявила. И набравши всяких вещей бралиантовых и алмазных две великие шкатулы, також и чемодан с платьем, да и червонцов взяла, насыпавши в шкатулу пятьсот тысяч, и тайно нощию тою с одной своей девкой вышедши и[с] своєю спални, и пришла в сад, и то все передала Лудвику в окно.

Потом Лудвик послал к послу своему своего камордина с прозбою, чтоб его того ж часа уволил в дом в Цесарию, ибо он получил якобы известие, что отец ево кончается. И на то ево прошение посол соизволил его учинить свободна. //

(л. 275 об.) И повеле Лудвик закладывать лошадей в кореты, також и седлать. И забравши со всем своим капиталом и взяв возлюбленную свою Ляцыону, посадил с собою в корету, також и девку-юнкар, и поидоша тихо из града. И как выехали, тогда скоро поехали, и приехав в Цесарию в дом свой через восемь дней, и на пути не видали никакого несчастья. И тамо в доме своем совокупился с Ляцыоною браком, и жил с ею много лет, и умроша в великой славе и чести.

### **Информация об авторе**

*Любовь Александровна Курьшева*, кандидат филологических наук

### **Information about the Author**

*Lyubov A. Kuryшева*, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 10.05.2024;  
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024  
The article was submitted on 10.05.2024;  
approved after reviewing on 15.07.2024; accepted for publication on 15.07.2024*